

84 (K=632.1/6)
K 599

СОВРЕМЕНИК

Лазарь Кокышев

СТИХИ

НОВИНКИ • СОВРЕМЕНИКА •

1977 j.

274786 -

Лазарь Кокышев

СТИХИ

Перевод с алтайского

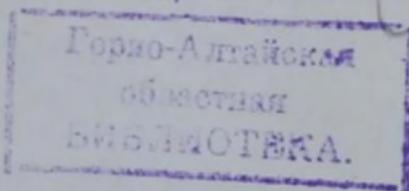
Москва · 1977

84(2=632.1/6-5

С (Сиб)

К599

0 0 V
274786

Кокышев Л. В.

К59 Стихи. Перевод с алтайского. М.,
«Современник», 1977.

63 с. (Новинки «Современника»).

Поэзия Л. Кокышева полна неистребимой любви к жизни, чуткой нежности к родной природе.

Стихам свойственны внутренняя напряженность метафор, энергичная интонация, страсть, пафос гражданственности и глубина лирических размышлений.

К $\frac{70403 - 079}{M 106(03) - 77}$ 199 - 77 (Сиб)

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННОК», 1977

Б-КЛВ-С-77

Пою в горах

Пою в горах.
Пою тропе, цветам.
В ущельях тьмы
Найти стараюсь свет.
Идет за мной козуля по пятам.
И журавли летят за песней вслед.
Когда охрипну,
Припаду к земле,
Из жгучих родников
Прохладу пью.
Я становлюсь моложе и сильней.
И вновь иду,
И вновь и вновь пою.
Мой главный путь —
Он где-то впереди...
Когда устану,
Молча постою.
Но молод я!
И с песнею в груди
Я вновь иду
И вновь и вновь пою.
Уж если начал,
До конца допой.
— Кожондо!¹ — горы вторят мне в ответ...
Идет козуля дикая за мной,
И журавли летят за песней вслед.

¹ Кожондо — пой.

Гнилые сучья преграждают путь.
Я спотыкаюсь,
Но иду опять.
Мне хочется немного отдохнуть,
Зажечь костер,
Сварить обед, поспать.
Но нет — нельзя!
Ночлег мой впереди.
✓ Я должен песню выстрадать свою.
Да, молод я!
И с песнею в груди
Я вновь иду
И вновь и вновь пою...

Две дороги

Скалистый берег —
До чего он дик!
Он не живет минуты тишиною:
Ревет Катунь, как разъяренный бык,
И в берег бьет рогатою волною.
Обрыв скалистый
Воет и дрожит.
А наверху по каменным отрогам
Наш Чуйский тракт,
Петляя, вдаль бежит
Над старою алтайскою дорогой.
О старая дорога!
Сколько бед,
Смертей
Ты видела.
У сломанного кедра
Здесь был забит нагайками мой дед—
И над могилой голосили ветры.
По этому пути из дальних мест
Купцы возили огненную воду,
Чтобы народ мой нес покорно крест
И во хмелю
Не ведал про свободу.
Но мой народ,
Он выжил в трудный час,
Он сбросил тяжкий груз
Глухих столетий...

Лишь птицы перелетные
Сейчас
Напоминают посвист
Ханской плети.
Ты, старая дорога,
Не смогла
Пробиться дальше:
Не хватило силы,
Когда уркош, отвесная скала,
У пропасти тебя остановила.
И — замерла...
А над тобою вдаль,
Сквозь горы, над ущельями,—
Вот так-то! —
Советская проходит магистраль,
Которая зовется Чуйским трактом.
Стремительно взлетает Чуйский тракт
К вершинам, что сравнялись с небом.
Здесь день и ночь
Стучат машины в такт,
Нагруженные мясом, шерстью, хлебом.
Щебенка под машинами хрустит...
И Чуйский тракт
Уходит ввысь бесстрашно.
Под ним
Дорога старая грустит,
Припоминая свой позор вчерашний.

Отец

Хлопнул дверью,
Вышел — не простился.
Мать сидела молча у стола.
Не пришел назад, не возвратился —
Понапрасну, видимо, ждала.

Было все запутано и сложно,
Мать сказала:
— Нет у вас отца...—
И забились быстро и тревожно
Детские наивные сердца.

В темноте не спал я до рассвета,
Думу передумал не одну,
И решил,
Что ни за что на свете,
Как отец,
Не брошу я жену.

Бились сосен шумные вершины,
За селом трещали трактора,
А на полках — в ведрах и кувшинах —
Брань отца гудела до утра.

...Мать трудилась до заката в поле,
Проходил в заботах день за днем.
Об отце не вспоминали боле,
Ничего не слышали о нем.
Но однажды ночью я проснулся,
Отчего — и сам не мог понять,

Я протер глаза и повернулся:
Надо мною наклонилась мать.

— Встань, сынок...

Нагрянул враг проклятый...

(Я молчу — спросонья не пойму.)

Твой отец идет на фронт солдатом,
Вот снеси курут¹ и хлеб ему.

Горы.

Рань.

Прохладная погода.

Я пешком пришел в военкомат.
Там рыдали женщины у входа
И сержанты строили солдат.

Я стоял растерянно в сторонке —
Ни один солдат мне не знаком.
И смеялись местные девчонки
Над моим домашним узелком.

Люди волновались и спешили.
Солнце припекало все сильней.
Вдруг, смотрю, — отец!
Отец в машине.
Я вдогонку бросился за ней.

Эх, отец!..

Ничто не изменилось

На лице нахмуренном и злом.
И машина скрылась за углом,
Только пыль над улицей клубилась.

Наш отец погиб под Сталинградом,
Но нередко думаю сейчас:
Он, наверно, был бы с нами рядом,
Если б тот подарок взял от нас.

¹ Курут — сыр.

Буренушка

С гвоздя винтовку сняв,
У двери встал,
На нас взглянул
И пот холодный вытер,
И плачущую мать поцеловал,
И повторил:
— Буренку берегите...

Всегда мы были сыты молоком,
И мать на фронт
Слать масло не скупилась.
Но вот однажды,
Несчастливым днем,
Буренушка домой
Не возвратилась.
Напрасно мы кричали средь лугов —
Вокруг стояла тишина
Немая...
С последним криком
Дальних петухов
Буренушка вернулась
Чуть живая.
Она лежала
В пасмурных сенях,
На маму глядя,
Спрашивала будто:
«А как же проживешь ты
Без меня,

А как без молока
Детишки будут?..»

Уже туман за окнами редел,
И мама, обнимая нас,
Рыдала...
Как человек
После хороших дел,
Буренушка
Спокойно умирала.

Ожидание

Овчиною накрывшись,
Дотемна
Мы маму ждем...
Мерцанье звезд в окошке.
В селенье дальнее ушла она
Купить пшена
Или ведро картошки.

Холодный ветер,
Как вдова,
 поет,
Наш пес худющий
На тропу выходит.
Он тоже беспокоится и ждет
И на луну
Тоскливый вой
Заводит.

Голодный вой,
Голодный писк мышат.
И мы — у окон...
Нет нас одиноче!
У печки
Чугунков темнеет ряд.
Все безысходней и тоскливей к ночи.

Луна меж облаков,
И снег, и тишина,
Казалось, тоже ждали
Маму нашу.
И вот —
Шаги...

Она! Она!

И мы в ладоши хлопаем
И пляшем.

И пляшет вскоре
В очаге огонь,
Трещат и плачут
Красные поленья.
Кидает мать с ладони на ладонь
Картошины —
Военных лет спасенье.

Кукушка

Улеглись последние морозы.
В воздухе — медовый аромат.
Белые стыдливые березы
Снова по-весеннему шумят.
Словно бригадиры,
Всем отрядом
Вслед за плугом
Шествуют грачи...
Первая кукушка где-то рядом
Беззаботно-радостно кричит.
Ей-то что, кукушке?
Ей бы днями
Петь о том, что май леса одел,—
Ведь она не видит наших дел
Пьяными, весенними глазами.
Ей-то что!—
Она без грусти скоро
Улетит из нашей стороны
В те края, где мирно дышат горы,
Где не слышно
Голоса войны.
Ей-то что!—
Она и знать не хочет,
Как нам с матерями тяжело.
Беззаботно
Целый день хлопочет,
Прославляя майское тепло.

Ах, кукушка,
Глупая болтушка,
Знала б ты, как нужен хлеб бойцам!
Нам не до тебя.
Лети, кукушка,
Не тревожа нас,
К своим лесам.
Не тревожа нас, расстанься с нами
И лети, покуда голос цел...
Пьяными, весенними глазами
Ты не хочешь видеть
Наших дел.

Журавли... журавли...
 Улетают от нас журавли.
 Спой мне песенку, мама,—
 Ты помнишь ее, дорогая.
 Эту песню на крыльях
 Опять журавли принесли
 И опять унесли,
 Далеко-далеко улетаю...
 К материнским ладоням
 Моя прикоснулась щека.
 Вижу детство свое,
 Легкокрылое и озорное:
 Журавли... журавли...
 Чуть заметно плывут облака,
 Над горами плывут,
 Над деревней плывут,
 Надо мною.
 Но быстрее облаков
 Журавли пролетают, трубя.
 И вполголоса песню
 Поет моя добрая мама:
 «Спи, мой маленький, спи...
 Все, что есть на земле,—
 Для тебя,
 Вся земля — колыбель.
 Подрастай поскорей, мой упрямый».
 Журавли... журавли...
 И дорога у них далека.

Журавли... журавли...
И дорога у них нелегка.
Им придется лететь
Много длинных и скучных недель.
Мир — велик!
Но я верил, что мир — колыбель...
Пой мне, мама.
Ты знаешь —
Я детство свое вспоминаю.
Спой еще что-нибудь,
Дорогая моя, родная.

Баллада о собаке

274786

Тайга была огромна и безлюдна.
Тагил бежала по звериной тропке,
И кедры больно ветками хлестали
По впалым и дымящимся бокам.
Тайга была огромна и безлюдна.
Неподалеку где-то ухал филин,
И белый свет луны едва сочился
Сквозь чащу неподвижных кедрочей.
А вот поляна.
Вот шалаш знакомый —
Он отсырел и набок покосился.
Зола давно остыла меж камней...
Она шалаш обнюхала, лежанку,
С оборванными лямками мешок —
Все сохраняло слабый-слабый запах
Тяжелых рук хозяина.
Собака
Задрала морду к небу и завывала,
А в небе неподвижная висела,
Пустынная, холодная луна.
Казалось, ветер пел в вершине кедра
Ту песню, что нередко пел хозяин,
Но это филин хохотал над нею
И по-собачьи лаяла лиса.
И чудилось собаке, что с добычей
Вот-вот хозяин выйдет из-за сопки,
Потреплет по спине ее и сядет
У жаркого костра пред шалашом,
Задумчивый, большой.

Горно-Алтайском

17
общественная

БИБЛИОТЕКА.

И, по привычке,
Она ему в колени сунет морду.

Собака, ничего она не знала,
Не понимала, для чего хозяин,
В пахучих сапогах и в гимнастерке,
В теплушке ехал к западу; не знала,
Зачем он привязал ее к ограде
В чужом дворе.
Шел сорок первый год.

Сухие листья падали с деревьев,
Их скоро снег укроет пеленою.
И стало очень холодно собаке
Под равнодушной, белой луной.
Она уйти хотела, но вернулась.
У шалаша, где прежде жил хозяин,
Ей повстречались два голодных волка,
Два осторожных, опытных врага.
И кинулась она без лая, молча,
Лишь челюсти работали и лапы;
Сплелись клубком три тела мускулистых,
И шерсть летела клочьями от них.
Но вскоре волки отступили в чащу,
Отвагою ее поражены.
Она лежала, кровью истекая,
У шалаша, где прежде жил хозяин,
И бляхою поблескивал ошейник
С обгрызенным, оборванным ремнем...

...Опять живет в тайге ее хозяин,
Охотится, силками ловит белок,
До осени почует в шалаше.
Когда же ветер бродит в сонных кедрах,
Все чудится ему в ночах таежных,
Что где-то воет верная Тагил.

К новым людям и новым краям

До свидания, мама, прощай!..
Над горами — осеннее пламя.
До свиданья, мой маленький край!
Я вернусь по весне
С журавлями.
Скоро птицы на юг полетят
И по-птичьи тоскливо заплачут,
Но они возвратятся назад,—
Разве может случиться
Иначе?
Разве можно весной усидеть
Вдалеке от родного гнездовья,
Разве можно
О родине петь
Вдалеке от родного гнездовья?!
И в Москве мне свой край не забыть...
Вечерами,
Конспекты листая,
Захочу я опять побродить
По гористым тропинкам Алтая.
И захочется так,
Что — невмочь,
Хоть беги на вокзал за билетом,—
И опять я бессонную ночь
Проведу у окошка без света...

Слышу, кедры мне шепчут:
«Держись!»

Будет дождь,
Будет слякоть и вьюга!
Не страшись,—
Ты идешь в эту жизнь
От железной рогатины плуга...»
И дорога ложится к ногам,
И огромное солнце восходит —
К новым людям
И к новым краям
Беспокойное сердце уводят.

Жизнь

Жизнь—колдунья, чудесница! Всё мы играем
В догонялки с тобою,
Как дети.
Я тебя настигаю, тебя постигаю...
Миг! —
И снова разорваны сети!

Олениху ль увижу на каменном склоне
Или белую птицу
На волнах рассвета —
Я, забывшись, кричу, начиная погоню,
Жизнь, тебе
Восхищенное слово привета.

Но когда я, охотник, гонюсь за тобою
На коне,
Ошалевшем от скачки,—
Ты, колдунья, Катунью звенишь
и звездою
Мне сияешь с лукавством гордячки.

А когда в суете и тщете забываю
О величье твоём,
Ты врываешься в двери
Ветром,
Силой неистовой мая,
- Новой мерой все наново меря.

Старый дом

Дом заброшенный,
Бедный мой, дряхлый старик,
Здравствуй, здравствуй, узнал ты меня?
Это я, самых долгих дорог ученик...
Что-то в печке осевшей не видно огня,

Да и пыльные окна незрячи уже!..
Дом заброшенный, отчий аил,
Словно детство неожиданно проснулось в душе,—
Столько грусти и нежности ты пробудил!

Ведь когда я остался в войну за отца,
Я чинил тебя крепкой древесной корой...
Ты топился по-черному,
дым у лица
Плавал едко, но был ты живой и родной.

Колыбели берестяной вспомнился скрип.
Вьюг слепящих
Пронзительный вспомнился стон.
И весенних капелей я вспомнил, старик,
Смех серебряный, праздничный звон!

Где же твой домовой, что меня так пугал,
Где тепло очага, чаепитье гостей?
Только ветер скулит, прижимаясь к ногам;
Да и сам я давно уж промерз до костей.

Нежный мамин напев не согреет теперь:
«Спи,— я слушал, зажмурясь,— коровы придут,
Как увидят что спишь,— и положат под дверь
Белый, будто луна, пребольшущий курут».

О тебе я печалился даже во сне.
Дом заброшенный, отчий аил,
Словно детстве неожиданно проснулось во мне,—
Столько грусти и нежности
Ты пробудил!

В таежном селе

Среди снегов и вековечных кедров
Лежит село в распадке у реки.
Здесь древний, как пласты земные,
Уклад. И столько тишины...
Живем втроем в избушке — я как есть,
Старик и девочка. Ах, девочка, зверек,
Как много дум
Ты подарила мне.

В снегу торчит труба с веселеньким дымком.
Дед при мерцанье лампы допотопной
Осину гнет для лыж.
А ты глядишь
В мои бумаги с милым любопытством —
Следами буквы кажутся тебе...
И верно: то, что я пишу,—
Следы... Не птиц ли? Что ж, и птиц.

Конфет красивых брать не хочешь ты.
А глазки так блестят! Соблазн велик,
Но кажется ладонь моя капканом.
...Родители вернутся лишь к весне,
Когда начнут линять песец и соболь.
А ты их ждешь с таким терпеньем,
Что брать чужих гостинцев не желаешь.

Под сказку деда тихо засыпаешь...
И где ты там, во сне, в каком краю?

Наверное, идешь, как медвежонок,
По следу лыжному — и маму кличешь...
Век атома! Все ближе к нам Луна,
Живут мечтой о Марсе космонавты,
А здесь, как и во время оно,
Сто верст пешком до ближнего села,—
Сто верст тайгой, снегами занесенной!

Я так хочу, чтоб девочка росла
Веселой, умницей,
Чтоб вспоминала
Поселок этот, родину свою,—
Как самое прекрасное на свете.

Москва моя студенческая,
снова
 За тысячею горизонтов ты!
 Вновь мать встречает сына дорогого.
 Сегодня много милой суеты
 Вокруг меня
до ночи поздней будет...
 Горит очаг — и чайник на огне
 Знакомой песней все бывшее будит,
 Что вспомнить грустно так и сладко мне.

— Скажи, сынок,
 А долго ль на поэта
 Еще учиться,— спрашивает мать.
 С усмешкой тайной говорю на это:
 — Недолго, мама...
 Надо подождать...

Глядит в окно
посаженная мною
 Береза,
 Вся от солнышка светясь.
 А мимо стадо гонят с водопоя,
 А из-под крыши
ласточка взвилась,—
 Мы вместе возвращаемся весною
 Туда, где оперялись и росли,

Охотник в тайге

С двустволкой в жилистых руках
И в шубе наизнанку,
В тяжелых, теплых сапогах
Он вышел спозаранку...
Шумит тайга.
Трещат кусты.
Овраги смотрят грозно.
А белки, распушив хвосты,
Бегут, оставя гнезда.
Хотя глаза у старика
Немного потускнели,
Он бьет всегда
Наверняка,
Без промаха,
По цели.
Он рысь сквозь сучья различит,
Он не упустит волка.
И тульская двустволка
На весь Алтай звучит.
Медведь упал на алый снег...
Шумишь напрасно, ветер!—
Не ты, не зверь,
А человек —
Хозяин дебрей этих!
Шумят дремучие леса,
Шумят, зверье скликают.
И в чаще беличьи глаза
Обиженно мигают.

Тайга была еще вчера
Дика, глуха, страшна...
Под теплым кедром —
Треск костра.
Погрейся, старина!
Ты здесь сегодня не один
Ночуешь при огне...
Доносит ветер шум машин
И песню
О весне.

Голубые просторы,
Горизонт голубой...
Горы,
 здравствуйте, горы.

Здравствуй,
Край дорогой!
Ты, как друг, улыбнулся.

Я из дальних дорог
Возвратился,
Вернулся,—

Не вернуться не мог.

Я знакомые лица
Вижу в каждом окне,
Я хочу поклониться
Старикам и родне.

Только радостью снова
Мне туманит глаза,
Ни полслова,
Ни слова

Не сумею сказать.

Здесь когда-то сражался

Деревянным мечом,
И мирился, и дрался —

Было все нипочем.

Вечно сбиты колени.

И, зовя меня вдаль,
Здесь кричали олени

По утрам...

Не тогда ль
Мне, мальчишке, вручили
Комсомольский билет,
Словно вдруг подарили
Все дороги.
Весь свет.
...Дети носятся с шумом.
А у новых ворот
Древний старец с топшуром¹
О героях поет.
Не могу наглядеться
На простор голубой.
Здравствуй,
Милое детство,
Здравствуй,
Край дорогой!
Ты, как друг, улыбнулся.
Я из дальних дорог
Возвратился,
Вернулся,—
Не вернуться не мог.

¹ Т о п ш у р — музыкальный народный инструмент, род домбры.

И хорошо, что встретил, хорошо
Тебя,
околицей бродя без цели.
Хочу прощения теперь просить —
Что злобился в отчаянье и страхе.
Годов тех отдаленных волчья сыть
На всех рубцы оставила и знаки.

Глубокая печаль в очах твоих,
Друг мой каурый,
старый работяга.
Длиннеет в поле тень от нас двоих,
Вечерняя уж серебрится влага.

...Табун заржал. Каурого зовут
В луга поречные с собой в ночное.
Он не идет, он остается тут.
Усталый, грустный, все стоит со мною.

Стихи
о горном козленке,
мать которого я убил

Как черт,
попутал азарт нелепый,
Нажал курок я,
и взвился дым —
И, о козленка
споткнувшись слепо,
Косуля пала
к ногам моим.
Меня обнюхав,
козленок блеет,
Лиловым глазом
косит в тайгу.
Он слабоногий
и тонкошей.
Ему навряд ли
помочь смогу.
Любая мать —
неприкосновенна!
Как
материнское молоко
Смешать посмел я
с кровавой пеной?
Не то велел мне
тайги закон!
...Мордашкой кроткой
в тайгу уставясь,
Козленок плачет
и мать зовет.

Этюд

✓
Луч осени скользнул легко
От перевала к перевалу,
И на леса уже легло
Полудремоты покрывало.

Стада в предчувствии зимы
О травах солнечных вздыхают.
Вздохнем украдкой и мы,
Увидев, как река стихает.

Покрылся дымкой Хан-Алтай...
И журавли тревожно плачут,
Как сотни лет и сотни стай
Назад... Природа грусть не причет.

Бормочут что-то невпопад
Осины перед холодами.
Лист палый — как колоды карт.
Деревья на весну гадают.

Поэзия

Вместо стих

"Эпиграф"

Старые горы,
 Как мельницы вечные,
Над водопадами...
 Радуги вижу во мгле!
К ним и пойду я
 Тропой бесконечною,
Все-то приметив
 На отчей земле:
Как чолушманские воды
 Гневливые
Бьются в скалу,
 Что надменно молчит;
Хвои обветренной
 Дрожь торопливая
В сумрачной чаще
 Меня просквозит.
Ветром мой взор
 Пролетит над долиною —
Там, где блестит
 На курганах полынь...
Дрема глухая,
 Неодолимая.
Холод высот,
 Низовая теплынь.
Тихое пламя
 Костра полуночного
К тихой беседе
 Меня позовет.

Былей пастушеских
 Реки молочные...
Песен пастушеских
 Горечь и мед!
В поле бескрайнем
 Зарницы летучие
Снова, как орды
 Степных кипчаков,
Насмерть сойдутся
 Под черными тучами...
Тени ль огнистые
 Давних веков,
Сон ли курганов
 Иль дума внезапная —
Этих огней бысролетных
 Клинки?
Вольтовы дуги
 Востока и запада,
Молния
 Первой строки!

Гулкие
 Над водопадами радуги,
Грозы,
 Огни отдаленных костров
Станут
 Грядущею песней о радости,
Плотью и кровью
 Стихов.

Отзвенели копыта
Алтайских коней...
Загрустило осеннее поле.
И последний листок
С оголенных ветвей
Закружился, почувствовав волю.
Глухо шепчутся с ветром в воде
тростники.

Облака над землей
Проплывают лениво.
И под старый рассказ
Говорливой реки
Задремала плакучая ива.
Мудрый кедр на скале
Видит мрачные сны:
В них трескучий мороз
И густые метели...
Песни девушек стихли до новой весны,
И давно журавли улетели.
Отзвенели копыта
Алтайских коней...
Только кто-то природу
Отчаянно будит:
По продрогшей дороге
Вдаль скрывшихся дней
Листья мчатся к деревне,
Тоскуя по людям.

Осенний ветер

✓
Дуют ветры с монгольских степей,
Ветвь осины свистит, как стрела.
Все длинней перегоны ночей,
Все томительней ветер и мгла.

Утром в воздухе виснет пустом
Долгий крик —
То маралы трубят.
Скорбь ли, радость — тот крик или стон,
Волны эха меж горных громад?

Тяжкий, бронзовый солнечный свет
Озаряет вдали пастухов.
Колея леденеет и след.
Стекленеет вода родников.

Этот ветер с монгольских степей,
Клич марала и бронзовый свет
Так в душе отозвались моей,
Что от грусти спасения нет.

Воспоминание о плакучей ели

В чащобе за околицей села
Был вечный полумрак. И птицы пели.
Средь кедрача там елочка росла...
Я называл ее плакучей елью.

По вечерам все плакала она,
Как будто темноты ночной боялась.
Средь кедров-силачей росла одна
И смутную во мне будила жалость.

Мальчишка бойкий, что я знал тогда
О жалости и грусти в мире этом!
Мне грезились большие города —
Сверкающие, дальние планеты!

Покинул я околицу и ель,
Помчался вдаль, гоним душевной бурей.
Что ж! Я попал в десятку прямо, в цель —
И глаз уже, как победитель, щурю.

В нарядных залах веселил меня
Вид елок новогодних, звон бокалов.
И жил я шумно, доли не кляня.
А сердце все-таки не забывало

Околицу далекого села
Да и тебя, печальная сестрица!..
И вот я дома. Думам нет числа.
Душа воспоминаньями томится.

От кедров-силачей остались пни.
Я с юностью простился и любовью.
И ты, родная, доли не кляни,
Не плачь, не плачь, — ведь живы мы с тобой!

Теперь я знаю больше во сто крат
О жалости и грусти в мире нашем...
Прощай! Уж звезды первые горят,
Туман плывет с лугов и пашен.

В тайге

На Алтае осень —
Ай алтын!¹
Свежий холод близ реки чудесен.
Светом серебристым, золотым
Переполнены родные веси.

Шорох всюду —
Хлопоты зверьков, —
Беличьи нехитрые заботы.
Много дел до зимних холодов
У людей,
У зверя,
У природы.

А медведей важных
Тянет в сон,
Что ни день сильнее...
А птичьи стаи
Все сильнее тянет горизонт.
К югу наше лето улетает!

У рябины
Пляшут глухари...
Древние, узорчатые танцы!

¹ Ай алтын — золотой месяц.

Драгоценно каждый лист горит
Киноварью,
Пурпуром,
Румянцем.

Скоро, скоро
Ветер, как пастух,
Стадо серых туч погонит в горы.
Прочь грибной повывудется дух,
И пичуг умолкнут разговоры.

Побежит охотничья лыжня
Меж холмов
И валунов угрюмых.
И огонь костра на склоне дня
Будет тих,
Как сказка или дума.

А пока
Последнее тепло
Медленно уходит к поднебесью.
Утром
Кроет нежное стекло
Каждый след у речки в мелколесье.

На незримом стыке
Временном,
В светлые осенние минуты
Чувство Родины,
С которым жизнь живем,
Чище и острее почему-то...

Первый снег

Первый снег...
Первый снег
Пробегает дорожкой.
Первый снег...
Первый снег
Прилипает к окошку.
Первый снег...
Первый снег —
Словно заячья шубка.
Первый снег...
Первый снег —
Словно девичья шутка.
Первый снег...
Первый снег
Над дорогой кружится
И, несмелый такой,
Мне на плечи ложится.
Он боится тепла,
О морозе мечтает.
Первый снег...
Первый снег,
Он, конечно, растает.
Может быть, потому
Он до слез мне приятен.
Первый снег...
Первый снег,
Словно старый приятель, —
Тот, что в сердце твоём
Стал немалою частью.

Первый снег...
Первый снег —
Словно жданное счастье.
Бахромою висит
Белый снег на березах.
Первый снег...
Первый снег —
Не жилец без мороза.
Трудно первому быть,
Если силы немного...
Беспокойно кружит
Первый снег над дорогой.

Травка,
которая выросла
у моего крыльца

Я знал, что ты взойдешь над грязью черной,
Пробьешься и обрадуешь сердца,
Как символ жизни, нежной и упорной,
Мой гость желанный, травка у крыльца.
Была зима жестока и сурова,
Кипела вьюга, в белый рог трубя...
Но верил я, и ты пришла, и снова
Я, человек, приветствую тебя!
Гляжу на стебельки твои живые,
Как на цветы прекрасные глядим.
Ты — молода. Но думаю впервые:
А вправе ль я считаться молодым?
Да, милая! Видать, необратимо
В живой душе моей, в моей судьбе
Сместилось что-то, если в эту зиму,
Как никогда, грустил я о тебе.
И просятся из сердца, грешным делом,
Совсем сентиментальные слова
О том, что как-никак на свете белом
Я тридцать лет топчу тебя, трава,
О том, что я — не тот уже, не прежний,
Что я подружек ветреных забыл,
Что белый свет и жизни трепет вешний
Люблю, как, может, раньше не любил...
Тебя повсюду скоро станет много,
Вновь по тебе пройдут мои пути,
И ты великодушно, ради бога,
Меня, трава, заранее прости.

Но этот первый островок зеленый —
Как праздник мне! Мгновенья торопя,
Расти, родная!
Сильный,
Умиленный,
Я, человек, приветствую тебя!

Пробуждение

Я рано проснулся в росистой тайге.
Хвоя в холодных лучах бронзовела.
А рядом — в высокой, цветущей траве —
Песня любви глухариной кипела.

И древняя радость проснулась во мне,
И полумглу оглядел я лесную
Так жадно, как будто вернулся во сне
С дальней планеты на Землю родную.

Гром

Весеннее спокойствие лазури
Еще таят родные небеса.
Но, брови туч содвинутых нахмуря,
Дохнула ветром первая гроза —
И гром ударил
Словно в исступленье,
И день померк, бездонно-голубой.
Деревья опустились на колени
И руки-сучья
Подняли с мольбой.
Исполненная жажды самой жгучей,
Березка тучам тянется вослед.
Вот мелочь капель сумрачные тучи
Швырнули ей,
Как будто горсть монет...
...Уж ливень смолк.
И распахнулись дали
Еще ясней, прозрачней, чем вчера.
И птицы на лугах прощebetали,
Что наступила летняя пора.
.....
Все было так: когда мне было двадцать,
Не знал и сам я
Помыслов своих —
Привык я тихим парнем называться,
Я думал сам,
Что я на редкость тих.

Но вдруг любовь почувствовала такую,
Что, словно тот весенний небосклон
Степной грозой,
Волнуюсь и бушую,
Ее тревожным светом обновлен.
О, первая любовь, —
живая сила!

Все новое: и мысли, и дела...
Не ты ль меня бороться научила,
Вручила даль,
широкий шаг дала?

Тоска
(Песня)

Бурливые волны Катунь-реки
Закрыли дорогу к тебе, Шурале.
Мрачны перевалы в снегу, высоки, —
Ну как же я их перейду, Шурале?
И конь мой не может дорогу найти,
Тоскует без крыльев скакун, Шурале,
Ведь песне — и той по горам не пройти,
По зимним горам не пройти, Шурале,
Обвалы лежат меж тобою и мной,
На горных тропинках лежат, Шурале,
Но с первой кукушкой приеду весной,
Ты жди непременно, моя Шурале.
Бурливые волны Катунь-реки
Закрыли дорогу к тебе, Шурале.
Мрачны перевалы в снегу, высоки, —
Ну как же я их перейду, Шурале?

Вечер в горах

Солнце в тучу медленно садилось.
И на мох прилег устало я.
Надо мной береза наклонилась,
Словно ты, любимая моя.

Я лежу.
Заметно, как темнеет.
Горный вечер тишину привел.
На закатном небе столбенеет
Дикий и воинственный козел.

Вот он, будто тишины пугаясь,
Вздрогнул
И стремглав умчался прочь...
Замигали звезды, зажигаясь,
Из-за елок выглянула ночь.

Тишина...
И сквозь нее устало
Горных рек доносится мотив.
Дремлют в вышине
Немые скалы,
Головы над вечностью склонив.

Весенний ветер
Сердце растревожил...
Не уходи, луна,
Светлей гори!
Мне тяжело.
И потому, быть может,
За косогором плачут глухари.
Но вот уже не слышны ветра стоны
И нет звезды на небе
Ни одной...
А кедры не скупятся на поклоны,
Прощаются с красавицей луной.
Идет весна.
В душе, однако, вьюга.
Но я дождусь,
Дождусь своей зари!
Пускай молчит далекая подруга,—
Не нужно громко плакать,
Глухари...

Молчанье

И далеко, и высоко
Заката золотеет хмель.
Под тихим, тонким тальником
Подругу кличет коростель.

Дурмана скошенной травы
Не может сумрак превозмочь.
Кармином вспыхнули холмы,
И сразу — ночь.

Постой, родная, не спеши,
Родная, не спеши, постой, —
Побыть с тобою разреши,
Не заслоняй лица рукой.

С тобой мне хорошо теперь.
Молчание мое пойми!
Венок из огоньков¹ прими,
Молчанью моему поверь...

¹ Огоньки — цветы; иначе именуемые жарками.

Детям
Алтая

Пред вами расстилаются дороги,
в желанные идите города...
Но не забудьте горные отроги,
и свой аил, и мирные стада.

Запомните: восход над головою,
и пахнет утро буланат-травой,
и мощный водопад гремит с вершин,
бросает клочья пенные и искры...
И жеребенок на лугу альпийском
пугливо ржет, оставшийся один.

Не ровен час — болезни вас согнут,
беда заглянет в окна —
не смущайтесь!
К алтайским кедром, дети, возвращайтесь —
они вам силу прежнюю вернут.

И если после тысячи кручин
вдруг слава закружит на белом свете,
вы и тогда не забывайте, дети,
как в юртах можжевельник наш, арчин,
горит и — дым струится по углам...
И где б, каким вас ни встречали пиром —
не брезгуйте алтайским кислым сыром,
сушеным сыром, — он был пищей вам.

...Вам доверяет отчий край надежды.
Уходят вереницы птичьих стай.
И вам пора. Счастливый путь!
Но прежде —
еще раз оглянитесь на Алтай.

Лебеди

Я вспомнил детскую болезнь свою.
Такой не знали старики урочищ —
То весь дрожу, а то пою, пою,
Да дико так, что мне уж смерть пророчат.

Меня сажает бабка на коня,
Везет к аржану¹, где с подругой лебедь
В то лето жили, — и кропит меня
Водой волшебной...

И молитвой кропит:

«Скорей летите, лебеди, скорей,
За малое дитя просите небо!
Смотрите, он пылает все сильней,
Кричит в бреду, глаза темны и слепы.
Скорее, лебеди, летите к небу...»

И, распахнув крыла,
Как створы белых врат,
Взлетели лебеди к вечерней сени!
И я уснул... Мой долгий путь назад
Был колыбельным сном выздоровленья.

...Незримо таял времени туман
За годом год над нашими краями.
Давно могильная укрыла тьма
Заступницу мою пред небесами.

¹ Аржан — источник.

И вот сегодня
(Ночь была тиха)
Вернулся старый лебедь с лебедихой.
Кровь темная с ее крыла текла.
Она стонала жалобно и тихо.

И тихо я спросил сквозь ночь и сон:
— Чьей злой рукой в тебя был камень кинут?—
Но только стон услышал, только стон.
И, вздрогнув, взгляд я встретил лебединый.

— Спешите,— я сказал им,— в добрый час!
К целебным струям, где вы счастье пили...
А я молитвой попрошу за вас
Все доброе, что есть в подзвездном мире.

Пусть благодатно отвердеет боль
И рану поскорей затянет.
Тогда земная горькая юдоль
И мне не слишком горькой станет.

И я, певец, о радости спою,
Завидя вас, меж облаков летящих,
Когда застанет осень
Жизнь мою,
Когда зимой повеет леденящей.

И вот сминая полога края,
Что с мрака смертного уже откинут,
— Моя,— вскричу я,— эта песнь, моя!—
Услыша звоны песни лебединой.

В час рассвета

Смотрю я вот уж тридцать лет,
Как занимается рассвет
Над синими горами.
О, вечно юный свет зари,
Немножко грустный свет,
гори

Над смертными...

Над нами!

Пока не стал звездой, травой...
Я непокорный, молодой
И ласковый со всеми.
Жучка, былинку сберегу,
Обиды боль перемогу —
Но злобы не посею.

Гори, заря,
гори, заря,
Над синевой земною!
Светай, земля,
Цвети, земля,
Со мной...

И падо мною!

Содержание

Пою в горах. Перевод В. Фирсова	3
Две дороги. Перевод В. Фирсова	5
Отец. Перевод Ю. Полухина	7
Буренушка. Перевод В. Фирсова	9
Ожидание. Перевод А. Медведева	11
✓ Кукушка. Перевод В. Фирсова	13
✓ «Журавли... журавли...» Перевод В. Фирсова	15
Баллада о собаке. Перевод Ю. Полухина	17
К новым людям и новым краям. Перевод В. Фирсова	19
Жизнь. Перевод А. Медведева	21
Старый дом. Перевод А. Медведева	22
В таежном селе. Перевод А. Медведева	24
«Москва моя студенческая...» Перевод А. Медведева	26
Охотник в тайге. Перевод В. Фирсова	28
«Голубые просторы...» Перевод Ю. Полухина	30
Каурый. Перевод А. Медведева	32
Стихи о горном козленке, мать которого я убил. Перевод А. Медведева	34
Этюд. Перевод А. Медведева	36
Поэзия. Перевод А. Медведева	37
«Отзвенели копыта...» Перевод В. Фирсова	39
Осенний ветер. Перевод А. Медведева	40

Вспоминание о плакучей ели.	
<i>Перевод А. Медведева</i>	41
В тайге. <i>Перевод А. Медведева</i>	43
Первый снег. <i>Перевод В. Фирсова</i>	45
Весна. <i>Перевод А. Медведева</i>	47
Травке, которая выросла у моего крыльца. <i>Перевод И. Фонякова</i>	48
Пробуждение. <i>Перевод А. Медведева</i>	50
Гром. <i>Перевод Б. Гайковича</i>	51
Тоска. <i>Перевод Ю. Полухина</i>	53
Вечер в горах. <i>Перевод В. Фирсова</i>	54
«Весенний ветер...» <i>Перевод В. Фирсова</i>	55
Молчанье. <i>Перевод А. Медведева</i>	56
Детям Алтая. <i>Перевод М. Шлаина</i>	57
✓ Лебеди. <i>Перевод А. Медведева</i>	59
В час рассвета. <i>Перевод А. Медведева</i>	61

ИБ № 578

Лазарь Васильевич Кокышев

Стихи

Редактор **А. Мелеткина**
Художник **В. Васильев**
Художественный редактор **В. Покусаев**
Технический редактор **В. Никифорова**
Корректоры **И. Мокина, Г. Фролова**

Сдано в набор 22/XII-1976г. Подписано к печати 21/III-1977г. А06658. Формат изд. 70 × 90^{1/32}. Бумага тип. № 1. Печ. л. 2. Усл. печ. л. 2,31. Уч.-изд. л. 1,94. Тираж 10 000. Заказ № 357. Цена 29 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

390012, Рязань, Новая, 69/12
Рязанская областная типография

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Келнч. пред. выдач _____

Вос. тип. Т. 1 м.ч. З. 384—74

Поэзия Л. Кокышева полна любви к родному краю, его сильным, мужественным людям.

Читатель познакомится с обычаями и бытом Алтая, откроет для себя поэтический мир светлой и чуткой души: он увидит красоту альпийских лугов и мощных водопадов; услышит звонкий топот коней и грустные песни отлетных журавлей.

Образность стихов живо сочетается с ясностью мысли и напевной интонацией.